

И.А. Шипилов*

**ПРОЕКТ НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В СИБИРЬ ПЕТРА I
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
РИТМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2026-3-1
УДК 94(571):910.4+165*Выходные данные для цитирования:**Шипилов И.А. Проект научных экспедиций в Сибирь Петра I в XVIII – первой половине XIX века: ритмическая парадигма исследования // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 13–29. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-01.pdf>*

I.A. Shipilov*

**PETER THE GREAT'S SCIENTIFIC EXPEDITIONS
TO SIBERIA PROJECT IN THE 18TH –
FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY:
A RHYTHMIC RESEARCH PARADIGM****

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-1

*How to cite:**Shipilov I.A. Peter the Great's Scientific Expeditions to Siberia Project in the 18th – First Half of the 19th Century: A Rhythmic Research Paradigm // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 13–29.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-01.pdf>]*

Abstract. The article examines and supplements the phenomenology of the rhythmic paradigm, a methodological component of the neoclassical model of scientific research, and is the first to test it in a concrete historical study of Peter the Great's era and the legacy of academic and government expeditions to Siberia in the 18th and first half of the 19th centuries. The cognitive capabilities of the pattern made it possible to identify the components and explore the spatiotemporal rhythm of the multilinear historical movement of the Peter I scientific expeditions project. Scientific mapping and study of the history, geography, nature and population of the Arctic, inland regions of Siberia and the Far East, the Bering Strait, the North Pacific region and the American Northwest are the main components of the project. Rhythm analysis of Peter the Great's documents, expeditionary practices and materials showed the long-term temporality of the project, its large-scale spatial, socio-cultural and political effects. On these grounds, arguments have been obtained to resolve historiographical disputes about the true goals and directions of the project. From the selected theoretical and methodological positions, micro-, meso-, macro- and mega-levels of the expeditionary implementation of the Petrovsky project in the period under study were identified and represented. The voyages of the surveyors of the first third of the 18th century and the First Kamchatka expedition mark the microlevel, D.G. Messerschmidt's expedition (1719–1727) – the meso-level, the macro-surveys were carried out by the Second Kamchatka expedition, travels of the 1760s–1790s. led by P.S. Pallas, J. Billings and G.A. Sarychev, and the mega-level was reached by round-the-world expeditions of the first half of the 19th century. It is concluded that the Arctic, Siberian, Far Eastern, and Asia-Pacific areas of Peter the Great's project remain relevant in the 21st century. It is argued that the study marks the formation of a meta-level of study of the Petrovsky project of academic and government expeditions to Siberia.

Keywords: Peter the Great's scientific expedition to Siberia project, rhythmic paradigm, neoclassical model, pattern, rhythm, level, space, time, event, historical movement.

* **Илья Александрович Шипилов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: shipilof@yandex.ru

Ilya Alexandrovich Shipilov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: shipilof@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

The article has been received by the editor on 09.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрена и дополнена феноменология ритмической парадигмы – методологической составляющей неоклассической модели научного исследования – и впервые осуществлена ее апробация в конкретно-историческом исследовании Петровской эпохи и наследия академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII – первой половины XIX в. Когнитивные возможности паттерна позволили выявить компоненты и исследовать пространственно-временную ритмику мультилинейного исторического движения проекта научных экспедиций Петра I. Научное картографирование и изучение истории, географии, природы и населения Арктики, внутриматериковых районов Сибири и Дальнего Востока, Берингова пролива, Северо-Тихоокеанского региона и Американского Северо-Запада – основные составляющие проекта. Ритм-анализ документов Петра I, экспедиционных практик и материалов показал длительную темпоральность проекта, его масштабный пространственный, социокультурный и политический эффект. На этих основаниях получены аргументы для разрешения историографических споров об истинных целях и направлениях проекта. С избранных теоретико-методологических позиций выявлены и репрезентированы микро-, мезо-, макро- и мегауровни экспедиционной реализации Петровского проекта в исследуемый период. Путешествия геодезистов первой трети XVIII в. и Первая Камчатская экспедиция маркируют микроуровень, экспедиция Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) – мезоуровень, макроисследования осуществлены Второй Камчатской экспедицией, путешествиями 1760–1790-х годов во главе с П.С. Палласом, Дж. Биллингсом и Г.А. Сарычевым, а мегауровень достигнут кругосветными экспедициями первой половины XIX в. Сделан вывод, что арктическое, сибирское, дальневосточное и азиатско-тихоокеанское направления проекта Петра I сохраняют актуальность и в XXI в. Утверждается, что исследование маркирует становление метауровня изучения Петровского проекта академических и правительственных экспедиций в Сибирь.

Ключевые слова: проект научных экспедиций Петра I в Сибирь, ритмическая парадигма, неоклассическая модель, паттерн, ритм, уровень, пространство, время, событие, историческое движение.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026 г.

Наука как социальный организм, механизм, компонент культуры и этос находится в прямой связи с жизнью общества, государства, цивилизации, вселенной. Наилучшим образом данная интеракция может быть репрезентирована средствами дихотомии «вызов ↔ ответ», в которой исходящий месседж для адекватного отклика направляют обе стороны диалога. В «ответе» (при определенных условиях является «вызовом») науки – теоретическом, эмпирическом, технико-технологическом состоянии, оснащении, уровне, выраженном в обобщенном виде в исследовательских (познавательных, интерпретационных, объясняющих) моделях/парадигмах, закодированы этапы ее исторического движения. Изучение науки на определенном историческом этапе не может быть эффективно в отрыве от истории социума, государства, культуры. Аутентичность исторического (социокультурного) и познавательного контекстов – залог получения адекватных и актуальных научных результатов исторического, включая историко-наукоедческое, исследования.

Во второй половине – конце XX в. научный мир в целом и прежде всего историческая наука получили серьезный «вызов», исходящий от постмодернизма. В это время в исторической науке образовалась когнитивная ситуация, в которой конкурировали два основных

эпистемологических направления. Наследники классической модели познания прошлого, восходящей корнями к Античности и оформлявшейся с XVII–XVIII столетий, продолжали отстаивать крайние формы историзма, объективизма, структурализма, линейного прогрессизма, примат каузальных факторов над казуальными, тотального над локальным и региональным, системного над индивидуальным, сциентизировали историю по образцу естественных наук, элиминируя специфику исторического познания и абсолютизируя позицию историка как нейтрального/отстраненного наблюдателя, отводя ему второстепенную роль по отношению к говорящим сами за себя фактам источников, на которых и должна строиться единая и единственно верная теория, свойственная методологическому монизму. Их оппонентами являлись сторонники неклассической парадигмы, формирующейся с XIX в., абсолютизовавшие субъективизм и релятивизм в познании, приоритет идеографического подхода, индивидуального и казуального факторов над глобальным и детерминированным, микроуровня над холизмом в познавательной практике. Методологическим сепаратизмом классиков и субъективистско-релятивистской когнитивной ориентацией их визави воспользовались постмодернисты. Постмодернизм не только вобрал в себя концепты модерна, как критика историзма, отрицание существования исторической реальности как таковой вне текста, культуры, социума, разрыв настоящего с прошлым и построение будущего как преодоление старины, но и включил в себя, часто вместе с носителями, субъективистские, релятивистские и идеографические идеи неклассики, развив и гипертрофировал их. Основная идея постмодернизма, согласно которой историческая реальность существует лишь в субъективных дискурсивных практиках историка, а его труды имеют характер литературных сочинений, поскольку когнитивный инструментарий и истинность выводов – предпочтение автора. Такая эпистемологическая свобода поставила под сомнение саму возможность получения объективно-истинного знания о прошлом, а соответственно, необходимость истории как науки¹.

Историки разных взглядов и направлений на рубеже XX–XXI вв., когда их наука оказалась на «краю пропасти» и в точке «системной бифуркации»², нашли компромисс и для коллективного ответа постмодерну стали формировать из хаоса новую методологическую систему, получившую наименование неоклассическая (постнеклассическая) модель исторического познания. Данная парадигма зародилась в условиях неоглобализма и формируется на базе методологии нового универсализма, характеризующегося преодолением методологических оппозиций и синтезированием: глобального и локального, универсального и уникального, гомогенного и гетерогенного, социоцентристского и антропоцентристского, социологистского и номиналистского. Неоклассику характеризуют принципы мультипарадигмальности, междисциплинарности, методологического плюрализма и интеграции позитивных познавательных практик классики, неклассики, постмодернизма, направлений истории и других гуманитарных и социальных наук³. В лоне неоклассической модели для получения новых научных знаний в результате реконструкций образов прошлого, находящихся в прямой связи с исторической действительностью, но опосредованных сознанием ученых, первостепенное значение имеют паттерны (симулякры, теории, оптики, призмы) конкретного исследования, которые не сводятся к монометодологии, как при классической парадигме.

¹ Harlan D. Intellectual History and the Return of Literature // American Historical Review. 1989. Vol. 94. P. 581; Joyce P., Kelly C. History and Post-Modernism // Past & Present. 1991. No. 133. P. 204–213; Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 75–91.

² Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8–21.

³ Подробнее см.: Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249–295; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 256–345; Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 158–168; Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. С. 8–11; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 155–159.

«Ящик с инструментами»⁴ – методологию выбирает сам ученый, но делает это не в безграничной свободе, как при постмодернизме, но найдя коррелят между эпистемологическим и историческим контекстами, теоретической рефлексией и эмпирическими данными. Только в таком случае результаты работы историка могут претендовать на объективность, опосредованную паттерном и способностями ученого, а научный труд – на «третью книгу», т.е. реконструкцию образа исторической реальности из «третьих уст»: автор, источник, исследователь. Развитие науки в когнитивной ситуации рефлексивного методологического поворота состоит в успешных апробациях паттернов различных (микро-, мезо-, макро-, мета-) уровней, соответствующих объекту/предмету/контексту исследования, и реконструкциях исторических сведений. Результаты совокупности таких реконструкций, находящихся в единстве и борьбе противоположностей, могут претендовать на корреспондентную истину и объективность. Самой продуктивной в историческом исследовании методологии-неоклассики считают теорию «среднего уровня», объединяющую в одном процессе теорию и эмпирические данные и обобщения, объект изучения и рефлексии ученого.

На роль такой теории, гибкой к междисциплинарным «вызовам» исторической действительности, претендует ритмическая парадигма. Ритм выступает главной категорией модели, активирующей в процессе познания когнитивный инструментарий географии, биологии, математики, физики, социологии, антропологии, этнографии, психологии, архитектуры и других научных дисциплин и направлений⁵. Поскольку ритм – одно из организующих начал жизни на Земле, а человек, согласно меткому выражению М. Мосса, «есть ритмическое животное»⁶ в биологическом, социальном и культурном отношении, данный концепт особое значение имеет для гуманитарных и общественных наук. Философия и история обеспечивают ритмологический кроссдисциплинарный синтез и ритмализацию в синхронном, диахронном и транстемпоральном измерениях.

Генезис понятия «ритм» связан с античной философией – становление, происходившее начиная с разработок Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и других деятелей эпохи Просвещения, активизировалось в XX в. в трудах М. Мосса, М.М. Бахтина, Э. Бенвениста, Р. Барта, М. Фуко, А. Лефевра, Ж. Делёза, А. Мешоника, Ж. Бодрийяра, Э. Морена и др., а оформление системообразующего таксона ритмической парадигмы и ее постулирование связаны с именем и исследованиями первой четверти XXI в. французского философа и историка П. Мишона, являющегося одним из основателей, историографов и современным лидером мультидисциплинарного научного направления – ритмологии⁷. П. Мишон, не отрицая узкого понимания ритма как темпа, предлагает определение ритма в широком смысле как планетарную способность, манеру течения/движения⁸. Соглашаясь с основными теоретико-методологическими разработками французского ученого, отмечая перспективность предложенных им паттернов, считаем необходимым, руководствуясь неоклассической рациональностью, внести в них уточнения. Во-первых, пониманию «ритма» способствует не только и не столько «история повторяется...» Г.В.Ф. Гегеля, сколько «все течет, все изменяется» Гераклита; во-вторых, следует «примирить» методологические антагонизмы между категориями «ритм», «метр», «цикл», «повторение», «динамика», как и ритмология, детерминизм, структурализм, системный подход, субъективизм, которые в неоклассической универсальности амбивалентны.

⁴ Валлерстайн И. Социальное изменение...

⁵ Подробнее см.: Rhuthmos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rhuthmos.eu> (дата обращения: 05.06.2026).

⁶ Цит. по: Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «Ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 18.

⁷ Michon P. Elements of Rhythmology: I. Antiquity. Paris, 2018; Michon P. Elements of Rhythmology: II. From the Renaissance to the 19th century (Rhythmologies). Paris, 2018; Michon P. Elements of Rhythmology: III. The Spread of Metron – From the 1840s to the 1910s. Paris, 2019; Michon P. Elements of Rhythmology: IV. A Rhythmic Constellation. The 1970s. Paris, 2021; Michon P. Elements of Rhythmology: V. A Rhythmic Constellation. The 1980s. Paris, 2018.

⁸ Историографию проблемы см.: Michon P. Rhuthmologie: 2. Le groupement rhuthmique naturaliste. 1970–1980. Paris, 2025. P. 4–11, 120–122; Чеканцева З.А. Лики власти в свете теории ритма: взгляд из XXI века // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 33–40; Чеканцева З.А. Историческое событие и время...

Ритмическая парадигма предложила «новый режим историчности», пересмотрев традиционные (нормативные, линейные) представления об основных категориях исторической науки – событии и времени. В методологических построениях ученых ритмологов-неоклассиков произошла переориентация с герменевтики слова на герменевтику, точнее синергетику, события⁹. При этом особую актуальность имеет не описание времени и места события/факта в прошлом, но изучение события во времени и пространстве. События разного масштаба имеют мультилинейные «траектории» – темпоральности и эффекты в пространстве, т.е. задают разные ритмы исторического движения. Адекватная и полная интерпретация событий, превосходящих время, или процессов большой длительности не всегда подвластна его современникам или даже ближайшим потомкам, но доступна историкам.

Жизнеспособность и эффективность методологических моделей определяются в конкретно-исторических исследованиях. В данной статье впервые в историографии с методологических позиций ритмической парадигмы изучена история проекта/концепта научных экспедиций в Сибирь Петра I.

Личность и эпоха Петра I привлекали и продолжают становиться предметом изучения историков и ученых других специализаций, имея перманентную актуальность. Вневременное и непреходящее значение многих его начинаний и преобразований уже показано в научной и художественной литературе, воспето поэтами и запечатлено мастерами кисти. К примеру, период «петровской модернизации» – реформирования страны по замыслам первого российского императора, согласно ученым, продолжался в течение всего XVIII столетия¹⁰. Петром I не просто были определены направления развития управляемой им империи, но и заданы ритмы дальнейшей истории России. В числе таких начинаний императора научные (академические и правительственные) экспедиции в Сибирь для перманентного научного освоения региона.

Петровский проект научных экспедиций от идеи до воплощения в пространственно-временной ритмике исторического движения России прошел микро-, мезо-, макро- и мега-уровни, между которыми имелись этапы перехода. Конкретизируем данное утверждение.

Сама идея и проект экспедиционных исследований Сибири разрабатывались Петром I с учетом достижений предшествующей истории изучения Сибири, но при этом открывал ее новую страницу, так как был нацелен на решение актуальных проблем и вопросов в освоении региона посредством инновационной для российской действительности исследовательской формы – научных экспедиций. В предшествующий период освоение Сибири вели русские землепроходцы (купцы, промышленники, служилые люди). Их описания и географические чертежи не отвечали критериям научности, содержали противоречивые, мифические и ошибочные сведения о регионе. Эти погрешности экстраполировались в труды европейских ученых, для которых материалы землепроходцев являлись основными источниками информации об Азиатской России. Такие источниковая база и историография нуждались в системной верификации и не могли удовлетворить Петра I, который приобрел собственный опыт путешествий в Европу 1697–1698 гг. и 1716–1717 гг. и руководствовался им при разработке инновационного концепта научных экспедиций.

Из «Старого Света» русским царем были импортированы не только новые идеи, технологии и образцы, но и квалифицированные исполнители – ученые-натуралисты, астрономы, географы, историки и энциклопедисты-универсалы, которых в условиях становления науки в России не было. При непосредственном участии Петра I и по его поручениям в Россию были приглашены европейские ученые и мореплаватели – будущие исследователи восточного макрорегиона: руководитель Первой и Второй Камчатских экспедиций (ВКЭ) В.И. Беринг, участник обоих Камчатских путешествий, руководитель Южного (Курильского) отряда ВКЭ М.П. Шпанберг, доктор медицины, натуралист и ученый-универсал Д.Г. Мессершмидт, астрономы и географы Ж.-Н. Делиль и Л. Делиль де ла Кройер и многие другие. Впоследствии представители Дома Романовых и высшие чиновники Российской империи,

⁹ Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. Anthropologie & Sciences Humaines. 2002. No. 38. P. 69–78.

¹⁰ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 3–102.

следуя заданному Петром I тренду и для реализации его проекта, приглашали европейских ученых и мореплавателей на русскую службу. Абсолютное большинство из них не только безупречно выполнили свои контрактные обязательства перед Академией наук и Адмиралтейством, но и обрели новую родину.

При разработке проекта научных экспедиций в Сибирь «консультантами» Петра I являлись российские государственные деятели, имевшие европейское происхождение и/или образование (Я.В. Брюс, Ф.Я. Лефорт, А.А. Матвеев, Ф.М. Апраксин, П.И. Сиверс, Р.К. Арескин, Л.Л. и И.Д. Блюментросты и др.), и известные европейские ученые и исследователи (И. Ньютон, Н.К. Витсен, Г. Делиль, Г.В. Лейбниц, Х. Вольф и др.). Следует особо выделить российского кораблестроителя, дипломата и агента Петра I в Великобритании и Нидерландах Ф.С. Салтыкова и одного из крупнейших ученых своей эпохи и всех времен Г.В. Лейбница. Салтыков в 1713–1714 гг. в своих «Пропозициях» (предложениях) и записке «Изъявления прибыточныя государству» изложил Петру I аргументы, доказывающие, что поиск, изучение и освоение морского пути от Архангельска (из устья Северной Двины) на восток по Северному Ледовитому океану и из него в Тихий, затем до Амура, в Японию и Китай, принесут «прибыль и богатство государству великое» в финансах, природных ресурсах, территориальных приобретениях¹¹. Лейбниц неоднократно, начиная с 1697 г. и до своей смерти в 1716 г., в устных беседах при встречах и записках Петру I и его сановникам предлагал программу развития науки и образования в России. Одним из главных ее компонентов были экспедиции в Сибирь для решения актуального для изучаемого периода вопроса «сошлась ли Азия с Америкой?» и осуществления географических, этнографических, лингвистических, естественнонаучных и смежных исследований макрорегиона, которые, по мнению ученого, принесли бы «огромную пользу» Российскому государству, науке и «всему человечеству»¹². Предложения Лейбница и Салтыкова, апеллировавшие к «государственной пользе» – одной из главных идеологем русского императора, вошли как компоненты в проект экспедиционных исследований Сибири Петра I.

Основной формой практической реализации проекта станет научное освоение Сибирского макрорегиона – перманентное экспедиционное изучение учеными, морскими офицерами-картографами и гидрографами географии, природы и населения региона, его политического, экономического и социокультурного освоения, коррелирующее с уровнем развития науки и модернизацией государства. Основанием в Санкт-Петербурге в 1724 г. Академии наук, в структуре которой ученые стали де-юре отдельной социальной стратой в России, пополняемой сначала из Европы, а затем выпускниками Академических университета и гимназии, Петром I были запущены синергетические механизмы становления науки в России и заданы ритмы ее исторической динамики. Одним из таких ритмов становятся практики академических и правительственных экспедиций, релевантные уровню развития науки на конкретном этапе.

Отсутствие карт Сибири, адекватных представлений о пространстве региона, неопределенность географических и государственных границ территории обусловили тот факт, что сначала в terra incognita по собственноручным инструкциям Петра I были отправлены геодезисты-картографы – выпускники основанных царем Московской навигационной школы и/или Морской академии в Санкт-Петербурге¹³. В этих учреждениях все геодезисты, названные исследователями «петровскими», прошли научную школу профессора Г. Фарварсона, приглашенного Петром I из Абердина во время Великого посольства¹⁴.

¹¹ Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., 1891; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 22–24.

¹² Куприянов В.А., Смагина Г.И. «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Г.В. Лейбница о развитии науки в России // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 3. С. 7–45.

¹³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 2. Д. 27. Л. 79–80 об.; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 5, № 3284. С. 616–617; № 3292. С. 622–623; Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734. Akademiegruppe. Halle, 2006. S. 202–203.

¹⁴ The History of Cartography. Cartography in the European Enlightenment. Chicago; London, 2019. Vol. 4. P. 1281–1282.

Научная работа «петровских» геодезистов в Сибири в первой трети XVIII в. маркирует микроуровень пространственно-временной ритмики Петровского проекта. Картографирование, геодезическую съемку и географические описания областей Урало-Сибирского региона (Западное и Восточное Приуралье), Западной и Средней Сибири выполнили работавшие там с середины 1710-х годов геодезические отряды во главе с Ф.А. Молчановым, П. Чичаговым, И. Захаровым¹⁵. Схожий комплекс исследований в Восточной Сибири с начала 1720-х годов выполняли геодезисты А.И. Кушелев, М. Зиновьев, И. Валуев, к которым в 1724 г. присоединился отряд во главе с П.Н. Скобельцыным и в составе В. Шетилова, И. Свистунова и Д. Баскакова¹⁶. Стоит отметить акцент в геодезических исследованиях, сделанный в соответствии с проектом Петра I, на определении, съемке и картографировании природных и создаваемых в то время государственных границ и приграничных территорий. Геодезисты П. Чичагов и И. Захаров картографировали возводившуюся в то время на юге Западной Сибири Иртышскую укрепленную линию¹⁷. В 1720-х годах П. Чичагов самостоятельно и при содействии российского купца и самобытного картографа П.В. Меллера провел первые научные исследования и съемки естественных рубежей – отрогов Уральского хребта, участков Обь-Иртышской и Ангара-Енисейской речных систем, побережья Северного Ледовитого океана и акватории Северного морского пути от Обской губы к Енисейскому заливу и до устья р. Пясины¹⁸. В этих исследованиях начата практическая реализация арктического направления проекта Петра I, исходящего из предложений Ф.С. Салтыкова. А.И. Кушелевым, П.Н. Скобельцыным и их помощниками было выполнено научное картографирование границы между Российской и Китайской империями, обозначенной по Буринскому соглашению и Кяхтинскому договору 1727 г. Стоит отметить, что отряд П.Н. Скобельцына наряду с картами Иркутского, Илимского, Селенгинского, Якутского, Нерчинского уездов Иркутской провинции также подготовил краткие и информативные этнографические справки о местных жителях названных территорий (эвенках, бурятах, якутах)¹⁹. Картографические, астрономо-геодезические и этнографические исследования «Скобельцын с товарищи» продолжили выполнять в составе Второй Камчатской экспедиции (ВКЭ).

Решение одного из самых актуальных для мировой географии исследуемого периода вопроса – «сошлася [ли] Америка с Азией» – стало одной из задач, поставленных Петром I перед правительственной экспедицией геодезистов И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина. Согласно собственноручной инструкции русского царя от 2 января 1719 г. геодезисты отправлялись «до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых», на Камчатку, откуда для разрешения названной выше проблемы – «не только [на] зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»²⁰. Поскольку геодезистам в ходе экспедиции 1719–1722 гг. не удалось провести исследования по главному вопросу инструкции, в научной литературе развернулась полемика и остается дискуссионной проблема истинных целей путешествия Евреинова и Лужина. Большинство исследователей полагают, что имела дополнительная –

¹⁵ Княжецкая Е.А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия ВГО. 1966. № 4. С. 333–340.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 25576; 25592; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. 1729 г. Д. 4. Л. 7 об.–8; Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2015. С. 92–93.

¹⁷ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 301–316.

¹⁸ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... С. 32; Андреев А.И. Очерки по историко-коведению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 22–35; Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Известия ВГО. 1974. Т. 106, вып. 2. С. 134–140; Коновалова Е.Н., Трофимова О.В. Изобразительный материал на рукописных картах Западной Сибири (XVII–XIX вв.) // Геодезия и картография. 2015. № 9. С. 53–61.

¹⁹ Шипилов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск, 2023. С. 186–188; Постижение России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. СПб., 2023. С. 117–119, 156–161.

²⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3266. С. 607; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... С. 31.

секретная инструкция, которой геодезистам предписывалось обследование Курильских островов²¹. Секретная инструкция до сих пор не обнаружена, поэтому нет решающего доказательства, подтверждающего или опровергающего мнение ученых. Однако в нашем распоряжении есть пространственно-временная ритмика развития событий. Перспективный ритм-анализ и исторический опыт показывают, что в инструкции Евреинову и Лужину Петром I обозначены истинные замыслы путешествия, ставшие основными направлениями проекта по обследованию, описанию и картографированию Северо-Востока Евразии и Северо-Запада С. Америки в их соотношении, которые вследствие их масштабности будут реализовывать несколько экспедиционных кампаний. Ландкарта Сибири, Камчатки и Курильских о-вов, путевые дневники, журналы астрономо-геодезических наблюдений и рапорты И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина свидетельствуют о том, что геодезистам удалось в ходе экспедиции выполнить исследования в двух из четырех указанных в инструкции направлений – западном, заключавшемся в научном картографировании территории от восточного побережья Камчатки до Олёкминского района Якутии, Ленского бассейна и до Тобольска, и южном – нанесении на карту и описании островов Курильского архипелага²². Однако главный вопрос из-за плохих погодных условий, недостатка провианта, поломки оборудования, опасности от «немирных» коряков и чукчей и иных причин остался без ответа. Крайний северо-восток Сибири на карте И.М. Евреинова выходит за географическую рамку, повторяя изображения ряда русских географических чертежей XVII – начала XVIII в. и карты Н.К. Витсена 1687 г., которые, скорее всего, и послужили источниками для геодезиста. Острова в северной части Тихого океана и Североамериканское побережье отсутствуют. Тем не менее карта Евреинова получила одобрение Петра I, так как декларировала право Российской империи на Курильские острова, которое будет закреплено де-юре после научного картографирования архипелага отрядом М.П. Шпанберга в ходе ВКЭ.

Вопрос о взаимоотношениях Азии с Америкой был разрешен в ходе Первой Камчатской экспедиции (1725–1730) во главе с В.И. Берингом. Исполняя инструкцию Петра I, экспедицией была эмпирически установлена, описана и картографирована мичманом П.А. Чаплиным возможность мореплавания из Северного Ледовитого океана в Тихий через Берингов пролив, разделяющий Евразию и С. Америку²³. То, что экспедиция успешно выполнила поставленные перед ней задачи, в чем есть разногласия у исследователей²⁴, доказывает тот факт, что ее участники получили внеочередное повышение в чине и денежные премии. Беринг был удостоен звания капитан-командора и награжден Адмиралтейств-коллегией 1 000 руб. В состав Первой Камчатской экспедиции входил геодезист Ф.Ф. Лужин, которому со второй попытки, но все-таки удалось осуществить главную цель его путешествия с И.М. Евреиновым. Однако над реализацией плана Петра I по научному освоению востока Сибири, Северо-Тихоокеанского региона и С. Америки, намеченного в наставлении Евреинову и Лужину и ретранслированного с дополнениями в инструкции В.И. Берингу от 6 января 1725 г., на макроуровне будут работать Вторая Камчатская (1733–1743) и Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиции (СВГИАЭ) (1785–1795).

Переход и начало воплощения проекта Петра I на мезоуровень пространственно-темпоральной ритмики следует связывать с экспедицией (1719–1727 гг.) под руководством доктора медицины и натуралиста Д.Г. Мессершмидта. По указу Петра I (рис. 1) и предписаниям президента Аптекарской (с 1721 г. – Медицинской) канцелярии И.Д. Блюментроста Мессершмидт отправлялся в Сибирь для проведения медико-ботанических исследований, поиска и сбора «всяких раритетов», «куриоситетов и лекарственных вещей»²⁵ для Кунст-

²¹ Обзор историографии см.: Петров А., Ермолаев А., Коскина М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 1. С. 273–276.

²² Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 216. Оп. 1. Д. 87. Л. 52; Ф. 233. Оп. 1. Д. 162. Л. 225; Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950. С. 7–99.

²³ Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha, 1996. S. 72–73.

²⁴ Подробнее см.: Сопочко А.А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983. С. 141–156.

²⁵ Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 201, 224–226.

камеры, т.е. с задачами микроуровня. В ходе экспедиции Д.Г. Мессершмидт, сделав эмпирические обобщения, разработал обширную научно-исследовательскую программу всеобъемлющего естественнонаучного (биологического, минералогического, геоморфологического), географического, включая картографическое, геодезическое и физическое (физико-географическое, магнетическое, метеорологическое), археологического и исторического, этнографического, филологического, медицинского изучения Сибири, ее местного и коренного населения и природы²⁶. Положения программы Мессершмидта были одобрены его непосредственным начальником И.Д. Блюментростом и получили высочайшую санкцию Петра I (рис. 2). Таким образом, Даниэль Готтлиб принял участие в развитии экспедиционного проекта российского императора, дополнив его новым научным содержанием. Благодаря гению Д.Г. Мессершмидта его микропутешествие эволюционировало в мезоэкспедицию, начавшую реализацию проекта Петра I в новой редакции, впервые в истории осуществившую комплексное изучение Сибири в течение 8 лет на пространстве от Восточного Приуралья до Нерчинско-Заводского района Забайкалья и от Барабинской степи, Алтае-Саянской горной системы и Хакаско-Минусинской котловины до Туруханска.

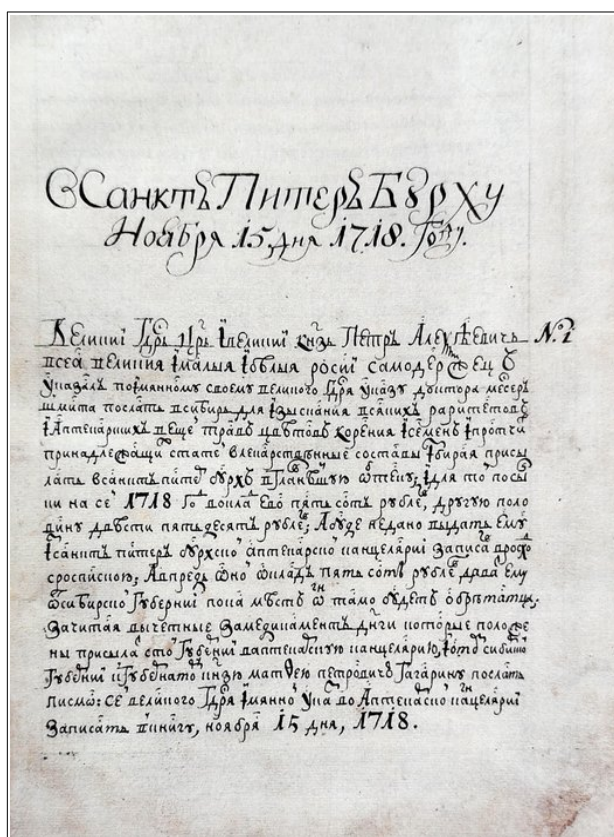

Рис. 1. Именной указ Петра I о посылке доктора Д.Г. Мессершмидта в Сибирь от 15 ноября 1718 г.
Источник: Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 202

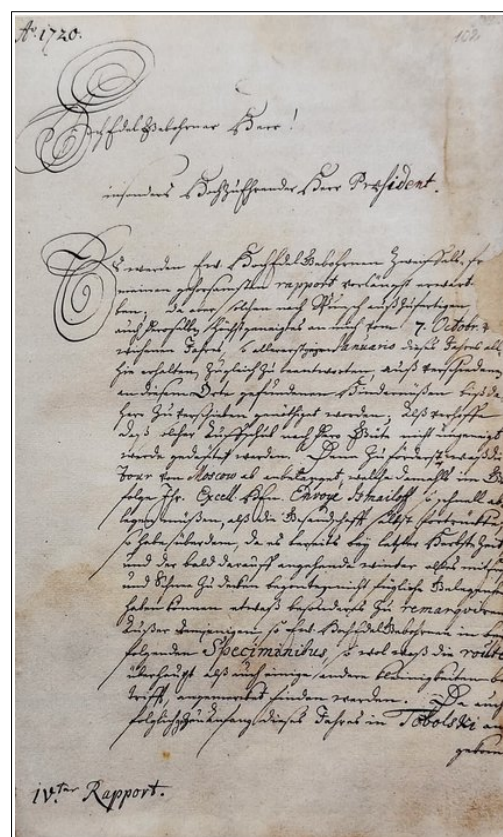

Рис. 2. Четвертый рапорт Д.Г. Мессершмидта И.Д. Блюментросту из Тобольска от 25 июня 1720 г., содержащий научно-исследовательскую программу изучения Сибири.
Источник: Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 253

Экспедиционная практика и научные труды Д.Г. Мессершмидта и его спутников, в особенности Ф.И. Страленберга, задали более масштабные, чем работы геодезистов, темпоральные, пространственные и эвристические ритмы, которые подхватят, увеличат и усилят участники российских экспедиционных кампаний 1730–1790-х годов. С инициативы Мессершмидта разработка научно-исследовательских программ путешествий, детализировавших и конкретизировавших проект Петра I, стала исключительной функцией ученых – действительных членов Российской академии наук. Цели и задачи Второй Камчатской экспедиции

²⁶ Lehfeldt W., Bondar L.D., Knüppel M. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler. Göttingen, 2023. S. 113–125.

(1733–1743), одной из крупнейших в мировой истории, были определены в инструкциях академиков: астронома и географа Ж.-Н. Делиля²⁷, физика и математика Д. Бернулли, химика и натуралиста И.Г. Гмелина, анатома и зоолога И.Г. Дювернуа, историка Г.Ф. Миллера, физика и математика Г.В. Крафта²⁸. Ж.-Н. Делиль, Г.Ф. Миллер вместе с крупнейшими учеными эпохи академиками М.В. Ломоносовым и Л. Эйлером приняли участие в разработке исследовательских планов астрономических путешествий 1740–1770-х годов. Физические экспедиции 1768–1774 гг. инициировал М.В. Ломоносов, их подготовкой занимался академик по классу натуральной истории С.Г. Гмелин, но лидерство в создании научно-исследовательских программ, координация и неофициальное руководство работой отрядов путешествий принадлежит выдающемуся естествоиспытателю, академику П.С. Палласу²⁹. Он же руководил организацией и подготовил инструкции для Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1795 гг.³⁰

Научно-исследовательские мероприятия 1730–1790-х годов³¹ выведут пространственную реализацию проекта Петра I на уровень Урало-Сибирско-Дальневосточного макрорегиона. Морские офицеры и геодезисты северных отрядов Второй Камчатской экспедиции впервые обследуют, выполняют топографические съемки, гидрографические измерения, географические и этнографические описания и, как результат, картографируют на астрономо-геодезической основе акваторию и побережье Северного Ледовитого океана от пролива Югорский шар до Колымского устья, районы Сибирской Арктики от Ямала до Якутии. Эти материалы существенно дополняют и уточняют работы предшественников, выведя на новый макроуровень арктическое направление Петровского проекта. Материковые области Сибири и Дальнего Востока нанесут на карты геодезисты П.Н. Скобельцын, В. Шетилов, Н. Чекин, М. Ушаков, А. Иванов и другие участники академического отряда экспедиции. Научное картографирование и включение в геополитическую орбиту Российской империи Северо-Тихоокеанского региона, т.е. реализацию направления «ост» из инструкции Евреинову – Лужину и проекта Петра I, начнут участники южных (тихоокеанских) морских отрядов ВКЭ во главе с В.И. Берингом и А.И. Чириковым. Научное картографирование, изучение и описание Курильских островов во исполнение южного вектора проекта осуществит экспедиционная команда во главе с М.П. Шпанбергом.

Рост качественных характеристик картографических материалов ВКЭ и созданных на их основе обеспечила апробация во время путешествия Л. Делилем де ла Кройером, а в большей степени А.Д. Красильниковым инновационных технологий Ж.-Н. Делиля по определению методами практической астрономии географических долгот пунктов. Такие определения обретут частоту благодаря экспедиционным исследованиям Ж.-Н. Делиля и студента Географического департамента АН Т. Кёнигсфельса 1740 г., работам С.Я. Румовского, Н.И. Попова и И.И. Исленьева в ходе астрономических путешествий 1760–1770-х годов, но системный ритм они обретут в практике СВГИАЭ³².

Географические, этнографические, исторические, биологические, метеорологические исследования Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Г.В. Стеллера, И.Э. Фишера, С.П. Крашенинникова, Я.И. Линденау, И.П. Яхонтова, А.П. Горланова и других участников академического отряда ВКЭ не только существенно обогатят и объективируют научную базу знаний о Сибири и ее жителях, но и на этой основе дадут старт становлению таких новых дисциплин в лоне российской науке, как этнография, метеорология, ботаника, геология и др.

²⁷ Здесь и далее курсивом обозначены фамилии ученых-путешественников.

²⁸ Dokumente zur 2. Kamſchatkaexpedition 1730–1733... S. 96–144, 314–321.

²⁹ Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 87–89, 108–111; Киссер Т.С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.

³⁰ Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin – New York, 1992. S. 648–657.

³¹ Подробнее см.: Шпилов И.А. Академические экспедиции XVIII века... С. 95–315.

³² Подробнее см.: Шпилов И.А. Материалы научных экспедиций в Сибирь и на Дальний Восток в истории российской картографии XVIII – первой половины XIX в. // География и природные ресурсы. 2025. № 5. С. 41–49.

В ходе физической экспедиции 1768–1774 гг. академиком П.С. Палласом и его помощниками – представителями научной школы, студентами, впоследствии академиками В.Ф. Зуевым и Н.П. Соколовым, студентами С.М. Кашкаревым, И. Быковым, М. Лебедевым, таксидермистами Павлом и Акулиной Шумскими, художниками Н. Дмитриевым и Д.Р. Ничманном на основе физико-географического районирования были выявлены, исследованы, описаны и репрезентированы в визуальной и картографической форме лесные, степные, лесостепные, тундровые, лесотундровые и арктические геосистемы (природные зоны) Западной, Южной, Центральной и Восточной Сибири на следующей пространной территории: от Семипалатинска (Семей – Казахстан), Усть-Каменогорска, Омска и Барнаула на юге до Нижнего Приобья и Полярного Урала на севере, от Тюмени и Петропавловска (Петропавла – Казахстан) на западе через Томск и Красноярский край до республик Хакасия и Бурятия, Иркутской области и Нерчинско-Заводского района Забайкальского края на востоке. После экспедиции П.С. Палласом было осуществлено природно-климатическое зонирование всей обширной территории Российской империи путем аналитики и критической систематизации трудов и материалов И.П. Фалька, Х. Барданеса, И.Г. Георги, И.И. Лепехина, С.Г. Гмелина, И.А. Гюльденштедта, других участников академических экспедиций 1768–1774 гг. и работ предшественников³³. Экспедиционные и постэкспедиционные научные труды П.С. Палласа, В.Ф. Зуева, Н.П. Соколова, П. и А. Шумских усилили и развили эвристический ритм участников ВКЭ, результатом чего стала структурная дифференциация российской науки на специализированные дисциплины и направления, как этнология, ботаника, зоология, геология, таксидермия, палеонтология, физическая география, гидрометеорология, биогеография, экология и др.

Исследовательская практика и научные труды участников правительственной Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции под командованием Дж. Биллингса и Г.А. Сарычева 1785–1795 гг. завершают пространственно-временную макрореализацию проекта Петра I и маркируют ее переход на мегауровень. В трудах и материалах Дж. Биллингса, Г.А. Сарычева, М. Сауера, К.Г. Мерка, М.М. Робека, А.М. Батакова, Х.Т. Беринга, Р.Р. Галла, А.М. Гилева, Дж. Мейна, К. Кребса, С. Бронникова, Ф. Елистратова и других верно репрезентированы на картах и описаны географически крайний северо-восток Сибири, включая северные районы Якутии и Чукотки, арктические побережья Восточно-Сибирского и Чукотского морей, акватории Беринговых моря и пролива, острова Диамида, Курильский, Командорский и иные архипелаги в Северо-Тихоокеанском регионе, Аляска. В дневниках и материалах участников путешествия описаны этнография, филология, история аборигенного населения указанных местностей, приведены сообщения об их природных ресурсах, полезных ископаемых, флоре и фауне. Можно утверждать, что СВГИАЭ спустя 76 лет реализовала все направления проекта Петра I, отмеченные в инструкции Евреину и Лужину.

От СВГИАЭ «эстафета» на мегауровень была передана с помощью Г.А. Сарычева, который непосредственно участвовал в организации многочисленных российских полукругосветных и кругосветных экспедиций начала XIX в., определяющих названный уровень³⁴. Картографические материалы первого российского кругосветного плавания 1803–1806 гг. под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, составленные по результатам систематических астрономо-геодезических, физико-географических, гидрографических наблюдений, представляют более точное, чем у предшественников, изображение Камчатки, Курильских и Алеутских архипелагов, тихоокеанских акваторий, островов и Аляски. Научно выверенную репрезентацию гидрографии Беринговых моря и пролива, географии островов Диамида, западного и восточного направлений Северного морского пути, береговых линий и побережий Евразии и Северной Америки дают карты кругосветных экспедиций О.Е. Коцебу и Ф.П. Литке 1815–1818 и 1826–1829 гг. Фундированное понимание

³³ Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII в.). СПб., 2004. С. 107–129.

³⁴ О работах на данном уровне подробнее см.: Шипилов И.А. Материалы научных экспедиций в Сибирь... С. 47.

географии, геоморфологии, этнографии и биологии арктических районов Якутии и Чукотки от Яны до Берингова пролива, Новосибирских и Медвежьих островов получены по результатам научной работы Колымского и Янского отрядов экспедиции 1820–1824 гг., возглавляемой Ф.П. Врангелем и П.Ф. Анжу. Если ВКЭ и СВГИАЭ при реализации проекта Петра I открыли и освоили пространственный и эвристический выход из Сибирского макро-региона в Северо-Тихоокеанский, то кругосветные экспедиции расширили географический спектр сначала до Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем придали ему планетарный масштаб. Визуальную репрезентацию мегауровень получил на картах мира, на которых в пространство макрокосма помещен микрокосм – Сибирь и Дальний Восток (рис. 3).

Рис. 3. Карта земного шара Ю.Ф. Лисянского. Источник: Собрание карт и рисунков, принадлежащих к Путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского, на корабле Нева. СПб., 1812

В статье исследована феноменология ритмической парадигмы как компоненты неоклассической модели исследования и впервые осуществлена ее научная апробация на конкретно-историческом материале Петровской эпохи и наследии академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII – первой половины XIX в. Когнитивные возможности и инструментарий ритмологии позволили выявить структурные элементы, скорректировав историографические дискуссии, и исследовать бытование в историческом пространстве – времени проекта научных экспедиций Петра I: картографирование, всестороннее изучение истории, географии, природы и населения Сибирской Арктики, внутриматериковых районов Сибири и Дальнего Востока, Берингова пролива, Северо-Тихоокеанского региона и Аляски. Ритм-анализ собственноручных указов, инструкций и документов Петра I, экспедиционных практик и научных трудов и материалов путешественников показал длительную темпоральность проекта, его масштабный пространственный, социокультурный и политический эффект, который увеличивался, возрастал, набирая темп и ускоряясь от экспедиции к экспедиции, как ритм сердца при беге или волнении. С теоретико-методологических позиций ритмической парадигмы дифференцированы микро-, мезо-, макро- и мегауровни экспедиционной реализации Петровского проекта в мультилинейной пространственно-временной ритмике исторического движения (рис. 4). Экспедиции микроуровня проведены в первой трети XVIII в. Путешествие Д.Г. Мессершмидта маркировало

мезоуровень, а теоретические разработки и фундированные эмпирические исследования Даниэля Готлиба стали фактором перехода к макроисследованиям экспедиционных кампаний 1730–1790-х годов, среди которых крупнейшие Вторая Камчатская 1733–1743 гг. и физические экспедиции 1768–1774 гг. Результаты Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1795 гг. завершают макроэтап и создают фундамент для мегауровня, воплощенного в жизнь российскими полукругосветными и кругосветными путешествиями первой половины XIX в. Завершение этих экспедиций окончательно не снимает с повестки проект Петра I. В XXI в. сохраняют актуальность освоение и исследование Арктики, которой, как и Сибирью с Дальним Востоком, со времен М.В. Ломоносова и сейчас продолжает прирастать российское могущество. Одним из важнейших направлений российской внешней политики и торговли является Азиатско-Тихоокеанский регион. Проект научных экспедиций в Сибирь Петра I выходит на метауровень изучения, опыт которого предложен в данном исследовании.

Рис. 4. «Уровни ритмической парадигмы исследования проекта Петра I» (Схема подготовлена И.А. Шипиловым)

Литература

- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965. 364 с.
- Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8–21.
- Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 312 с.
- Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950. 106 с.
- Княжецкая Е.А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия ВГО. 1966. № 4. С. 333–340.
- Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII в.). СПб.: Изд-во СПбИИ РАН; Нестор-История, 2004. 242 с.

Коновалова Е.Н., Трофимова О.В. Изобразительный материал на рукописных картах Западной Сибири (XVII–XIX вв.) // Геодезия и картография. 2015. № 9. С. 53–61.

Куприянов В.А., Смагина Г.И. «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Г.В. Лейбница о развитии науки в России // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 3. С. 7–45.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2004. 351 с.

Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 158–168.

Лубский А. В. Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 75–91.

Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв. / отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 244 с.

Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. 310 с.

Петров А., Ермолаев А., Коскина М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 1. С. 265–280.

Постижение России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. СПб.: Реноме, 2023. 267 с.

Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 388 с.

Пропозиции Федора Салтыкова. СПб.: О-во любителей древности, 1891. 36 с

Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 32 с.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. / отв. сост. Т.С. Федорова, гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1984. 320 с.

Собрание карт и рисунков, принадлежащих к Путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского, на корабле Нева. СПб.: Морск. тип., 1812. 16 л.

Сопоцко А.А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М.: Наука, 1983. 247 с.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мир, 2009. С. 249–295.

Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Известия ВГО. 1974. Т. 106, вып. 2. С. 134–140

Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «Ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 14–27.

Чеканцева З.А. Лики власти в свете теории ритма: взгляд из XXI века // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 33–40.

Шипилов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2023. 368 с.

Шипилов И.А. Материалы научных экспедиций в Сибирь и на Дальний Восток в истории российской картографии XVIII – первой половины XIX в. // География и природные ресурсы. 2025. № 5. С. 41–49.

Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734. Akademiegruppe / Bearbeitet von W. Hintzsche. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2006. 960 S.

Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. Anthropologie & Sciences Humaines. 2002. No. 38. P. 69–78.

Harlan D. Intellectual History and the Return of Literature // *American Historical Review*. 1989. Vol. 94, pp. 581–609.

Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha: Perthes, 1996. 347 S.

Joyce P., Kelly C. History and Post-Modernism // *Past & Present*. 1991. No. 133, pp. 204–213.

Lehfeldt W., Bondar L.D., Knüppel M. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler. Göttingen: Universitätsverlag, 2023. 747 S.

Michon P. Elements of Rhythmology: I. Antiquity. Paris: Rhuthmos, 2018. 372 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: II. From the Renaissance to the 19th century (Rhythmologies). Paris: Rhuthmos, 2018. 338 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: III. The Spread of Metron – From the 1840s to the 1910s. Paris: Rhuthmos, 2019. 400 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: IV. A Rhythmic Constellation. The 1970s. Paris: Rhuthmos, 2021. 312 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: V. A Rhythmic Constellation. The 1980s. Paris: Rhuthmos, 2018. 372 p.

Michon P. Rhuthmologie: 2. Le groupement rhuthmique naturaliste. 1970–1980. Paris: Rhuthmos, 2025. 122 p.

Strahlenberg Ph.J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 S.

The History of Cartography. Cartography in the European Enlightenment. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2019. Vol. 4. 1920 p.

Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1992. 1208 S.

References

Alekseev, V.V. (Ed.). (2000). *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [Experience of Russian Modernizations of the 18th–20th Centuries]. Moscow, Nauka. 244 p.

Andreev, A.I. (1965). *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. Vyp. 2: XVIII vek (pervaya polovina)* [Essays on the Source Study of Siberia. Is. 2: 18th Century (First Half)]. Moscow, Leningrad, Nauka. 364 p.

Basargina, E.Yu. (Ed.). (2019). *Pervyy issledovatel' Sibiri D.G. Messerschmidt: Pis'ma i dokumenty. 1716–1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: Letters and Documents. 1716–1721]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 310 p.

Borodaev, V.B., Kontev, A.V. (2015). *Formirovanie rossiyskoy granitsy v Irtyshsko-Eniseyskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg.: dokumental'naya monografiya* [The Formation of Russian State Border in Irtysh-Yenisei Interfluvium in 1620–1720: Documentary Monograph]. Barnaul, ALTGPU. 416 p.

Chekantseva, Z.A. (2013). Liki vlasti v svete teorii ritma: vzglyad iz XXI veka [The Faces of Power in the Light of the Theory of Rhythm: A View from the 21st Century]. In *Dialog so vremenem*. Vol. 45, pp. 33–40.

Chekantseva, Z.A. (2014). Istoricheskoe sobytie i vremya v kontekste “Ritmicheskoy paradigmy” [Historical Event and Time in the Context of the “Rhythmic Paradigm”]. In *Dialog so vremenem*. Vol. 49, pp. 14–27.

Evtsev, O.A. (1950). *Pervye russkie geodezisty na Tikhom okeane* [The First Russian Geodesists in the Pacific Ocean]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury. 106 p.

Farge, A. (2002). Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux. In *Terrain. Anthropologie & Sciences Humaines*. No. 38, pp. 69–78.

Fedorova, T.S. (Comp.), Narochnitskiy, A.L. (Ed.). (1984). *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian Expeditions to Study the North Pacific Ocean in the First Half of the 18th Century]. Moscow, Nauka. 320 p.

Gnucheva, V.F. (1940). *Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov* [Materials for the History of the 18th and 19th Century Expeditions of the Academy of Sciences: Chronological Reviews and Descriptions of Archival Materials]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 312 p.

Harlan, D. (1989). Intellectual History and the Return of Literature. In *American Historical Review*. Vol. 94, pp. 581–609.

Hintzsche, W. (2006). (Bearb.). *Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734. Akademiegruppe*. Halle, Verlag der Franckeschen Stiftungen. 960 S.

Hintzsche, W., Nickol, T. (1996). *Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska*. Gotha, Perthes. 347 S.

Joyce, P., Kelly, C. (1991). History and Post-Modernism. In *Past & Present*. No. 133, pp. 204–213.

Knyazhetskaya, E.A. (1966). Pervye russkie s'emki Zapadnoy Sibiri [First Russian Surveys of Western Siberia]. In *Izvestiya VGO*. No. 4, pp. 333–340.

Kolchinskiy, E.I., Sytin, A.K., Smagina, G.I. (2004). *Estestvennaya istoriya v Rossii (Ocherki razvitiya estestvoznaniya v Rossii v XVIII v.)* [Natural History in Russia (Papers on Development of Natural History in Russia in 18th Century)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPb II RAN, Nestor-Istoriya. 242 p.

Konovalova, E.N., Trofimova, O.V. (2015). Izobrazitel'nyy material na rukopisnykh kartakh Zapadnoy Sibiri (XVII–XIX vv.) [Pictorial Material on Handwritten Maps of Western Siberia (17th–19th Centuries)]. In *Geodeziya i kartografiya*. No. 9, pp. 53–61.

Kupriyanov, V.A., Smagina, G.I. (2024). “Obespechit' rastsvet nauk i iskusstv v gromadnoy imperii”: idei G.V. Leibnitsa o razvitii nauki v Rossii [“To Ensure the Flourishing of Sciences and Arts in the Huge Empire”: Leibniz's Ideas Concerning the Development of Russia]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 15, No. 3, pp. 7–45.

Lehfeldt, W., Bondar, L.D., Knüppel, M. (2023). *Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler*. Göttingen, Universitätsverlag. 747 S.

Lubskiy, A.V. (2004). *Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative Models of Historical Research]. Moscow, Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 351 p.

Lubskiy, A.V. (2009). Neoklassicheskaya model' istoricheskogo issledovaniya v kul'turno-ehpistemologicheskom kontekste nachala XXI veka [The Neoclassical Model of Historical Research in the Cultural and Epistemological Context of the Early 21st Century]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3, pp. 158–168.

Lubskiy, A.V. (2013). Intellektual'naya situatsiya v rossiyskoy istoricheskoy nauke na rubezhe vekov [Intellectual Situation in Russian Historical Science at The Turn of The Century]. In *Gumanitarii Yuga Rossii*. No. 1, pp. 75–91.

Michon, P. (2018). *Elements of Rhythmology: I. Antiquity*. Paris, Rhuthmos. 372 p.

Michon, P. (2018). *Elements of Rhythmology: II. From the Renaissance to the 19th century (Rhythmologies)*. Paris, Rhuthmos. 338 p.

Michon, P. (2018). *Elements of Rhythmology: V. A Rhythmic Constellation. The 1980s*. Paris, Rhuthmos. 372 p.

Michon, P. (2019). *Elements of Rhythmology: III. The Spread of Metron – From the 1840s to the 1910s*. Paris, Rhuthmos. 400 p.

Michon, P. (2021). *Elements of Rhythmology: IV. A Rhythmic Constellation. The 1970s*. Paris, Rhuthmos. 312 p.

Michon, P. (2025). *Rhuthmologie: 2. Le groupement rhuthmique naturaliste. 1970–1980*. Paris, Rhuthmos. 122 p.

Petrov, A., Ermolaev, A., Koskina, A. (2021). Petr I i rost interesa Rossii k osvoeniyu Tikhogo okeana, 1711–1722 [Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, No. 1, pp. 265–280.

(2023). *Postizhenie Rossii. Topografiya Sibiri XVIII v. v graficheskikh dokumentakh Danielya Gotliba Messerschmidta i Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii v Sankt-Peterburgskom filiale Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk* [Comprehension of Russia. Topography of Siberia of the 18th Century in Graphic Documents by Daniel Gottlieb Messerschmidt and the Second Kamchatka Expedition in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Renome. 267 p.

Postnikov, A.V. (2015). *Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII – nachale XX veka v svyazi s formirovaniem rusko-kitaiskoi granitsy* [The History of Geographical Exploration and Mapping of Siberia and the Far East in the 17th – Early 20 Century in Connection with the Formation of the Russian-Chinese Border]. Moscow, LENAND. 388 p.

(1891). *Propozitsii Fedora Saltykova* [The Propositions of Fyodor Saltykov]. St. Petersburg, Obshchestvo lyubiteley drevnosti. 36 p.

Repina, L.P. (2008). *Novye issledovatel'skie strategii v rossiyskoy i mirovoy istoriografii* [New Research Strategies in Russian and World Historiography]. Moscow, Izdatel'skiy dom GU VSHE. 32 p.

Repina, L.P. (2011). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the Border of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practices]. Moscow, Krug. 560 p.

Shipilov, I.A. (2023). *Akademicheskie ekspeditsii XVIII veka: rol' vspomogatel'nogo personala v izuchenii Sibiri* [Academic Expeditions of the 18th Century: The Role of Support Personnel in the Study of Siberia]. Novosibirsk, SO RAN. 368 p.

Shipilov, I.A. (2025). *Materialy nauchnykh ekspeditsiy v Sibir' i na Dal'niy Vostok v istorii rossiyskoy kartografii XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Materials of Scientific Expeditions to Siberia and the Far East in the History of Russian Cartography of the 18th – First Half of the 19th Century]. In *Geografiya i prirodnye resursy*. No. 1, pp. 41–49.

(1812). *Sobranie kart i risunkov, prinaldezhachikh k Puteshestviyu flota kapitana 1-go ranga i kavallera Yuriya Lisyanskogo, na korable Neva* [Collection of Maps and Drawings Belonging to the Voyage of the Fleet of Captain 1st Rank and Cavalier Yuri Lisyansky on the Neva Ship]. St. Petersburg, Morskaya tipografiya. 16 p.

Sopotsko, A.A. (1983). *Istoriya plavaniya V. Beringa na bote "Sv. Gavriil" v Severnyy Ledovityy ocean* [The Story of V. Bering's Voyage on the St. Gabriel Boat to the Arctic Ocean]. Moscow, Nauka. 247 p.

Stepin, V.S. (2009). *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya* [Classics, Non-Classics, Post-non-Classics: Criteria of Distinction]. In *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura*. St. Petersburg, Mir, pp. 249–295.

Strahlenberg, Ph.J. (1730). *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, In *Verlegung des Autoris*. 438 S.

(2019). *The History of Cartography. Cartography in the European Enlightenment*. Chicago, London, University of Chicago Press. Vol. 4. 1920 p.

Troitskiy, V.A. (1974). *O kartakh Sibiri geodezista Petra Chichagova* [About the Maps of Siberia by Geodesist Peter Chichagov]. In *Izvestiya VGO*. Vol. 106, Iss. 2, pp. 134–140.

Vallerstain, I. (1997). *Sotsial'noe izmenenie vechno? Nichto nikogda ne izmenitsya?* [Does Social Change Last Forever? Will Nothing Ever Change?]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 8–21.

Wendland, F. (1992). *Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie*. Berlin, New York, Walter de Gruyter. 1208 S.